

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ПУШКИНСКАЯ КОМИССИЯ

**ВРЕМЕННОК
ПУШКИНСКОЙ
КОМИССИИ**

Выпуск 32

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Санкт-Петербург
«Росток»
2016

УДК 821.161.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)1
В81

Редакционная коллегия:
А. Ю. Балакин (*ответственный редактор*),
М. Н. Виролайнен, Н. Г. Охотин

Рецензенты:
Е. Н. Григорьева, В. А. Мильчина

ISBN 978-5-94668-207-7

© Авторы статей, 2016
© Пушкинская комиссия РАН, 2016

ЛИБЕРТИНСКАЯ МОДЕЛЬ ПОВЕДЕНИЯ И ЯЗЫК ФРАНЦУЗСКОГО ЛИБЕРТИНАЖА В «ЕВГЕНИИ ОНЕГИНЕ»

В XVII–XVIII вв. во Франции возникла обильная и очень разнообразная в жанрово-стилистическом отношении либертинская литература, в которой можно найти (порою у одного автора, а иногда и в одном произведении) как откровенную порнографию, так и утонченный психологизм. С середины XVIII в. она мало-помалу становится известной и в России, но влияние ее остается маргинальным. Пересадить французскую традицию на местную почву было затруднительно по причинам не только социальным, но и историко-культурным: к тому времени, когда русские литераторы смогли бы оценить Кребийона-сына (Crébillon; 1707–1777), в самой Франции он уже вышел из моды. Русская литература тем не менее продолжала подпитываться ушедшими в прошлое формами литературы французской, в том числе и либертинской. Самым ярким проявлением этого запоздалого либертинского влияния в России можно считать «Гавриилиаду», однако некоторые его следы заметны и в «Онегине».

Они обнаруживаются преимущественно в начале романа. Хорошо известно, что времяпровождение Онегина, описанное в первой главе романа, скалькировано с картины, представленной в знаменитой в свое время поэме Вольтера «Светский человек» («Le Mondain»), своего рода «Защищении петиметра».¹ Вольтеровский *le mondain* и петиметр оказываются, таким образом, предшественниками и отчасти образцами светского человека и денди в русской литературе XIX в., в частности Евгения Онегина. И хотя историко-социологически между денди и петиметром пропасть (если первый — царь моды, то второй — ее раб), в литературно-историческом отношении один наследует другому. «Светский человек» может быть щеголем-петиметром, может быть и либертином, но ни то ни другое не обязательно. Все же некоторые детали в описании онегинского поведения до отъезда его в деревню выдают следование именно либертинской модели.

В дальнейшем речь пойдет не только и не столько о прямых источниках пушкинского текста, сколько о ходячих сравнениях, мета-

¹ См.: Резанов В. И. К вопросу о влиянии Вольтера на Пушкина // Пушкин и его современники. Пг., 1923. Вып. 36. С. 71–77. Ср. скептическое замечание в книге: Заборов П. Р. Русская литература и Вольтер: XVIII — первая треть XIX века. Л., 1978. С. 179, примеч. 51.

форах, образах, мотивах, то есть об элементах поэтического языка, в которые был погружен тогдашний читатель французской литературы, особенно эротической и либертинской, и которые в изобилии рассыпаны в пушкинском романе.

1. Мы видим такие общие места уже в самом начале романа, в X—XV строфах первой главы. Обратимся сначала к строкам XV строфы, которые, на первый взгляд, никаких либертинских коннотаций не содержат:

Бывало, он еще в постеле:
К нему записочки несут.
Что? Приглашенья? В самом деле,
Три дома на вечер зовут:
Там будет бал, там детский праздник.
Куда ж поскачет мой проказник?
С кого начнет он? Все равно:
Везде поспеть немудрено.

(VI, 10—11)

Существенно, что в предшествующих строфах (X—XII) описывается самая разнообразная тактика соблазнения. Поэтому мы можем, конечно, полагать, что приглашения, полученные Онегиным, преследовали вполне пристойные цели, однако допустимо трактовать *записочки*, посланные *проказнику*, и в менее невинном духе. На такую возможность указывают и некоторые сходные места из французской либертинской литературы.

Ближайшей параллелью к пассажу о записочках представляется стихотворение «Сердцеед» (или «Удачливый волокита») («L'Homme à bonnes Fortunes»), которое печаталось в собраниях стихотворений Грекура (Grécourt; 1684—1743), но принадлежит, возможно, Александру Ленэ (Lainez; 165?—1710).² Судя по частоте перепечаток, оно было довольно известным в свое время. Вот его начало:

² В так называемом «Сборнике космополита» (считается, что его составителем и автором большинства текстов был Грекур) стихотворение носило название «Le Sérail» (Recueil de pièces choisies, rassemblées par les soins du Cosmopolite. Ancône [Véretz], 1735. P. 63—64) и в оглавлении его автором назван Ленэ (Ibid. P. 2. 2me pag.). Утверждение об авторстве Ленэ повторено в альманахе La Nouvelle Bigarure, contenant ce qu'il y a de plus intéressant dans le Mercure de France, Et de plus curieux dans les autres journaux et feuilles Périodiques &c. La Haye, 1753. T. 4. P. 85—86; при этом в сборнике стихотворений Ленэ данное произведение отсутствует (см.: Lainez A. Poésies. La Haye, 1753).

Pousser le soupir juste, animer la fleurette,
 Fixer adroitement l'esprit d'une coquette,
 Recevoir le matin, huit ou six billets doux,
 Se tirer en un jour de quatre rendez-vous.
 En conter à la prude, à la fine, à la sottie,
 Jusqu'au pied des Autels tenter une bigotte,
 Paroît <re> fort fidel en vingt lieu différens,
 Duper d'un seul clin d'œil amis, rivaux, parens;
 Egayer la chagrine, arrêter la volage,
 Ne fut jamais pour moi que simple badinage.³

<Вовремя вздохнуть, произнести жеманную галантность,
 Ловко завладеть вниманием кокетки,
 Получить утром шесть-восемь любовных записочек,
 Управиться за день с четырьмя свиданиями.
 Морочить голову недотроге, утонченной, дуре,
 У подножия алтаря соблазнять ханжу,
 Казаться самым верным <любовником> в двадцати разных местах,
 Провести в одно мгновение друзей, соперников, родных,
 Развеселить печальную, удержать ветреную —
 Все это было для меня пустяком. — фр.>

Даже если здесь нельзя уверенно говорить о генезисе пушкинских строк, важно, что перед нами релевантный для «Онегина» элемент поэтического языка эпохи. Действительно, описание либертина, выбирающего между приглашениями, встречается и в других произведениях. Весьма близкое место есть в «Кукле» («La Poupée») Галли де Бибьена:

Lis, dit l'Abbé en lui donnant le billet; tu le vois, c'est un rendez-vous; mon esprit se confond, lorsque je pense à tous les endroits où l'on m'appelle; on m'accable, on m'excède, on me vexe de bonnes fortunes.⁴

<Читай, — сказал аббат, протягивая ему записку, — видишь, <приглашают на> свидание; я путаюсь, как подумаю о всех местах, куда меня зовут; я измучен, утомлен, раздражен <таким количеством> любовных побед. — фр.>

«Сердцеед» представляет собой в некотором роде программу либертинажа, и эта программа частично реализована Онегиным, о чем свидетельствуют X—XII строфы первой главы романа, отве-

³ Grécourt J.-B. Willart de. [Œuvres]. Amsterdam, 1746. Т. 1. P. 149—150.

⁴ Bibiena J. Galli de. La Poupée. Amsterdam, 1748. Part 1. P. 58.

чающие первой половине стихотворения Грекура/Ленэ⁵ (и даже написанные в такой же инфинитивной форме):

X

Как рано мог он лицемерить,
Таить надежду, ревновать,
Разуверять, заставить верить,
Казаться мрачным, изнывать,
Являться гордым и послушным,
Внимательным иль равнодушным!
Как томно был он молчалив,
Как пламенно красноречив,
В сердечных письмах как небрежен!
Одним дыша, одно любя,
Как он умел забыть себя!
Как взор его был быстр и нежен,
Стыдлив и дерзок, а порой
Блистал послушною слезой!

XI

Как он умел казаться новым,
Шутя невинность изумлять,
Пугать отчаяньем готовым,
Приятной лестью забавлять,
Ловить минуту умиления,
Невинных лет предубеждения
Умом и страстью побеждать,
Невольной ласки ожидать,
Молить и требовать признанья,
Подслушать сердца первый звук,
Преследовать любовь, и вдруг
Добиться тайного свиданья...
И после ей наедине
Давать уроки в тишине!

XII

Как рано мог уж он тревожить
Сердца кокеток записных!

⁵ Заметим также, что грекуровская программа соблазнения благочестивой дамы прямо у самого сакрального для нее места (по Ленэ, у алтаря) реализуется пушкинским Дон Гуаном (который, в соответствии с легендой об эфесской матроне, соблазняет вдову на могиле ее покойного мужа).

Когда ж хотелось уничтожить
 Ему соперников своих,
 Как он язвительно злословил!
 Какие сети им готовил!
 Но вы, блаженные мужья,
 С ним оставались вы друзья:
 Его ласкал супруг лукавый,
 Фобласа давний ученик,
 И недоверчивый старик,
 И роконосец величавый,
 Всегда довольный сам собой,
 Своим обедом и женой.

(VI, 9–10)

Похожая картина соблазнения невинности имеется в мольеровском «Дон Жуане» (Molière, «Dom Juan», Acte I, sc. II), где есть к тому же точная параллель к строкам «Невинных лет предубеждения / Умом и страстью побеждать» (ниже выделена курсивом):

On goûte une douceur extrême à réduire, par cent hommages, le cœur d'une jeune beauté, à voir de jour en jour les petits progrès qu'on y fait, à combattre par des transports, par des larmes, et des soupirs, l'innocente pudeur d'une âme qui a peine à rendre les armes, à forcer pied à pied toutes les petites résistances qu'elle nous oppose, à vaincre les scrupules dont elle se fait un honneur, et la mener doucement où nous avons envie de la faire venir.

<Это так <невыразимо сладко> — всевозможными знаками внимания покорять сердце молодой красавицы, видеть, как с каждым днем ты все ближе к цели, побеждать порывами своего чувства, вздохами и слезами невинную стыдливость души, которая не хочет слагать оружие, шаг за шагом преодолевать <слабые попытки сопротивления>, которые она оказывает нам, побеждать щепетильность <угрызения, колебания>,⁶ в которой <-ых> она видит свою заслугу, и незаметно вести ее туда, куда ты стремишься ее привести! — фр.; пер. А. В. Федорова, с изменениями.>⁷

⁶ Характерно, что В. И. Родиславский переводит здесь «scrupules» как «предрассудки» (см.: Беседы в Обществе любителей российской словесности при Императорском Московском университете. 1871. Вып. 3. С. 183).

⁷ Добавим, что пассаж, сходный с X строфой прежде всего по риторико-синтаксической форме, но отчасти и по содержанию, можно найти у Кребийона-сына, образцово либертинского писателя: «Que de transports! et qu'il connoissoit bien l'art de faire jouir des siens, ce qu'il aimoit, et de les lui faire partager! Que d'élo-

Заметим, кстати, что вторая часть этого пассажа также актуализируется в романе: она довольно близка по смыслу той проповеди, которую Онегин произнес в саду перед Татьяной («Я, сколько ни любил бы вас, / Привыкнув, разлюблю тотчас»):

Mais lorsqu'on en est maître une fois, il n'y a plus rien à dire, ni rien à souhaiter, tout le beau de la passion est fini, et nous nous endormons dans la tranquillité d'un tel amour, si quelque objet nouveau ne vient réveiller nos désirs, et présenter à notre cœur les charmes attrayants d'une conquête à faire.

<Но когда ты своего достиг, когда уже нечего ни сказать, ни пожелать, то вся прелесть страсти исчерпана, и ты засыпаешь в мирном спокойствии этой любви, если только что-нибудь новое не разбудит вновь наши желания и не соблазнит твое сердце <приятательным очарованием будущей победы>. — фр.; пер. А. В. Федорова, с изменениями.>

В более радикальной форме подобные соображения представлены в «Сцене из Фауста» («Любви невольной, бескорыстной / Невинно предалась она... / Что ж грудь моя теперь полна / Тоской и скукой ненавистой?... / На жертву прихоти моей / Гляжу, упившись наслаждением, / С неодолимым отвращением...»⁸).

Идея, что «супружество — могила любви» — общее место, вошедшее в пословицу (*Le mariage est le tombeau de l'amour*) и чрезвычайно распространенное в самой разной литературе, от почтенного «Словаря» Бейля (статья «Héloïse») до анекдотов и фривольных

ges! et combien l'égarément où je paroissois le plonger, ne leur donnoit-il pas de prix! Avec quelle finesse il sçavoit attaquer ma pudeur, et me la faire oublier! Combien il paroit le désir, et comment il le faisoit naître! <...> qu'il étoit tendre, où tant d'autres ne sçavent qu'être ardents! <Сколько восторгов! и как хорошо владел он искусством заставить наслаждаться своими <восторгами>, что он так любил, и разделять их с ним! Сколько комплиментов! И насколько восхищение, в которое я, казалось, погружала его, повышало их цену! С какой утонченностью он умел атаковать мою стыдливость и заставить меня забыть ее! Как он украшал желание, и как он возбуждал его! <...> Как он был нежен в моменты, когда другие могут быть только пылкими!>» (*Crébillon P. Jolyot de. Ah quel conte! Conte politique, et astronomique // Collection complete des Œuvres de M. de Crébillon le fils. Londres, 1772. Т. 4. Р. 428—429*). Разница между Пушкиным и Кребийоном очевидна: у Кребийона это слова дамы, с восторгом вспоминающей о конкретном любовном приключении, у Пушкина — ироническое описание определенного типического поведения, данное сторонним рассказчиком. Здесь никоим образом не утверждается, что сказка Кребийона была непосредственным источником пушкинского текста, но лишь демонстрируется некоторая общность манеры письма.

⁸ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 2009. Т. 7. С. 101.

куплетов. Эта идея совершенно естественна для либертинажа: либертин независим не только мировоззренчески (относительно религии и морали), но и в своих отношениях к конкретным людям; прежде всего, он полностью свободен в своих любовных связях, поэтому, в частности, избегает брака. Любовный либертинаж оказывается связанным не только с антиморальным вольнодумством, но и с рационализмом Просвещения. В частности, «философ» стремится подчинить себе и полностью контролировать любовное чувство.⁹

2. Сам мотив «победа над предрассудками невинной девушки» в XVIII в. был уже более или менее общим местом, почти формульным. Вот пример из известного в свое время либертинского автора:

Selon lui, elle ne lui résistait depuis deux grands mois que parce qu'elle ne pouvait vaincre les préjugés de l'enfance; mais il se flattait qu'elle s'empresserait enfin de combler les vœux d'un homme de son mérite.

<Он полагал, что она сопротивлялась ему уже два месяца только потому, что не могла победить свои детские предрассудки;

⁹ «Человек Просвещения хочет расширить то, что Жан Старобинский обозначил как “опыт своей свободы”: он хочет понять и овладеть тем, что с ним происходит, подчиняться лишь тем законам, которые он признает, а лучше тем, которые он сам себе установил» (*Loubère S. L'Art d'aimer au siècle des Lumières. Oxford, 2007. P. 1. 2me pag.*). В этом либертин сходен с так называемым «философом». В словоупотреблении XVIII в. «философ» часто означает человека, ведущего спокойную жизнь наедине с книгами и избранными друзьями, не имеющего честолюбивых устремлений, не желающего связывать себя семейными узами и даже любовной страстью вне таковых; максимум, на что он согласен, — на «сладкую привычку» (*la douce habitude*; ср. сентенцию Пушкина о привычке — замене счастья). Литературные примеры многочисленны — от популярных произведений вроде «Женатого философа» («*Le philosophe marié*», 1727) Нерико-Детуша (где само название пьесы является комическим оксюмороном) до малоизвестных посредственных сочинений. У Кребийона Танзай говорит: «...à vous parler franchement, le cœur n'est souvent qu'une chimère; <...> je suis devenu Philosophe là-dessus <...откровенно говоря, сердце [чувство] часто всего лишь химера <...> в этом я стал философом. — фр.>» ([*Crébillon P. Jolyot de*]. Tanzaï et Néadarné, *Histoire Japonoise. Pékin [Paris], 1734. T. 2. P. 203*) — и здесь «философ», отрицающий роль «сердца», то есть искреннего чувства, смыкается с либертином. Определение *philosophique* могло служить синонимом или эвфемизмом слишком негативно окрашенного *libertin*: «C'étoit un Seigneur de beaucoup d'esprit, mais dont les mœurs ont passé quelquefois à la Cour pour trop philosophiques <Это был вельможа большого ума, но чьи нравы считались порою при дворе слишком философическими>» (*Mémoires secrets pour servir à l'Histoire de la République des Lettres en France depuis M.DCC.LXII jusqu'à nos jours <...>. Londres, 1777. T. 4. P. 120 [запись от 15 сентября 1768 г.]*).

но он льстил себе, что она наконец поспешит угодить желаниям столь знатного человека. — фр.>¹⁰

Параллельное место имеется также в «Искусстве любви» Гужа де Сессьера (*Gouge de Cessières; 1724–1782?*) (в форме совета):¹¹

*Etouffez les clameurs d'un préjugé frivole,
Jurez-lui mille fois que plus vif & plus beau,
Votre feu toujours pur vivra jusqu'au tombeau <...>
Pleurez, le tendre Amour se complait dans les larmes...¹²*

<Заглушите роптание легковесного предрассудка, клянитесь ей, что всегда чистое пламя вашей <любви> будет гореть до могилы все ярче и прекрасней <...> Плачьте, нежному Амуру угодны ваши слезы... — фр.> (ср. у Пушкина: «...взор его <...> порой / Блистал послушною слезой» — VI, 9).

3. С «искусством любви» непосредственно связана еще одна строка, вполне вписывающаяся в либертинскую традицию: *Давать уроки в тишине.*¹³

Как Овидиево «Искусство любви», так и его французские переводы и подражания — учебники любовного искусства, а учебник подразумевает уроки. В латинском оригинале (*Ars Am.* II, 161–163) поэт говорит: «Non ego divitibus venio praecceptor amandi» («Не к богатым прихожу я как учитель любви <чтобы учить любви>»), поясняя, что богатых не нужно обучать искусству соблазнения, у них и так есть самый убедительный аргумент — деньги. Слова

¹⁰ Nougaret P. J. B. Les Dangers De La Seduction, Et Les Faux-Pas De La Beauté, Ou Les Aventures D'Une Villageoise Et De Son Amant: Où se voit une peinture fidelle et animée des ridicules et des travers du Monde. Paris, An VII [1798]. Т. 1. P. 65.

¹¹ Помимо переводов Овидиева «Искусства любви» во Франции было создано и несколько подражаний, адаптировавших античный текст к новой эпохе и новой культуре (им посвящена кн.: *Loubure S. L'Art d'aimer au siècle des Lumières.* Oxford, 2007). Поэма Жангиль-Бернара пользовалась наибольшей популярностью (ее упоминает и Набоков в комментарии к строфе XI), но здесь нам интереснее версия Гужа де Сессьера.

¹² [*Gouge de Cessières F. E.*] *L'Art d'aimer: Nouveau Poème: En Six Chants.* Ed. fidèle et complete, enrichie de Figures. Londres, 1750. P. 37, 38.

¹³ Ср. посвященную этому стиху главу в книге: *Пеньковский А. Б.* Исследования поэтического языка пушкинской эпохи: Филологические исследования. М., 2012. С. 172–192.

«уроки» у Овидия нет, оно появляется в переводах. Так, в неоднократно издававшимся переводе Массона де Сент-Амана (Masson de Saint-Amand; 1756—?) говорится: «Ce n'est point aux riches que je prétends donner ici des leçons d'amour <Не богатым собираюсь я давать здесь уроки любви. — фр.>». ¹⁴ Почти так же передан этот стих в издании Понслена: «Ce n'est point aux riches que je viens donner des leçons d'amour». ¹⁵

Выражение «давать любовные уроки» было формулой, распространенной и в оригинальной французской поэзии. У Ла Мотта (La Motte; 1672—1731) на эту тему есть целая ода «Удовольствие обучать» («Le Plaisir d'instruire»):

Autrefois la charmante Hortense
Dont mille amans formoient la cour,
Par une heureuse préférence
Me donna des leçons d'amour.

Par elle j'appris l'art de plaire,
Ces transports, ces empressements,
Ces petits soins, la grande affaire
Et le grand sçavoir des amants.

Elle m'avoit instruit a peine
De ces doux mysteres d'amour,
Qu'aussi-tôt à la jeune Ismene
J'en fis des leçons à mon tour.

Mais en l'instruisant comme on aime,
Que j'aimois a voir ses progrès !
Le plaisir d'apprendre <d'être instruit> moi-même
Avoit eu pour moi moins d'attraits.

Ismene eût toute ma tendresse,
Et mon élève à mes regards

¹⁴ Traduction nouvelle de l'Art d'aimer d'Ovide [par A.-N. Masson de Saint-Amand]. Paris, 1784. P. 56.

¹⁵ Œuvres complètes d'Ovide; Traduites en français; Auxquelles on a ajouté la vie de ce poëte; les Hymnes de Callimagne; le *Pervigilium Veneris*; L'Épître de Lingendes sur l'exil d'Ovide; et la traduction en vers de la belle Élégie d'Ovide sur son départ, par Le-Franc de Pompignan, Édition imprimée sous les yeux, et par les soins de J. Ch. Poncelet. Paris, 1799. T. 4. P. 231.

Fut plus chere que la <ma> Maitresse
C'en est ainsi dans tous les arts.¹⁶

<Когда-то очаровательная Гортензия, за которой ухаживала тысяча поклонников, счастливым образом предпочтя меня, дала мне уроки любви.

У нее я научился искусству нравиться, восторгам, настойчивым ухаживаниям, заботливости, великому любовному делу и знанию.

Едва она обучила меня этим *сладким таинствам любви*,¹⁷ как я, в свою очередь, дал урок юной Исмене.

Но, уча ее любви, как я любил смотреть на ее успехи! Удовольствие от моего собственного обучения было меньше.

Исмена получила всю мою нежность, и теперь моя ученица стала мне дороже Учительницы (Любовницы); так бывает во всех науках. — *фр.*>

Приведем и другие примеры:

Sependant la Marquise étoit innocente, & en attendant avec impatience l'heure de nôtre rendés-vous, elle se preparoit à me *donner une leçon d'amour*, car elle ne savoit rien de ce qui étoit arrivé.¹⁸

<Между тем Маркиза была ни в чем не замешана и, ожидая с нетерпением нашего свидания, готовилась преподавать мне любовный урок, ибо ничего не знала о случившемся. — *фр.*>

В «Ужинах Мома» («Les soupers de Momus») предлагается давать уроки не скрываясь, распевая любовные куплеты (и делая вид, что они никому из присутствующих не адресованы):

Avec eux on peut chaque jour,
A jeune beauté qui sait plaire,
Donner une leçon d'amour,
Même en présence de sa mère.¹⁹

¹⁶ *La Motte, A. Houdar de*. Odes de M. de La Motte de l'Academie Française: Avec un Discours sur la Poësie en général, et sur l'Ode en particulier. 4me éd., augmentée de plusieurs Ouvrages. Paris, [1714]. Т. 2. Р. 239—240. В угловых скобках даны варианты, встречающиеся в других изданиях.

¹⁷ Многократно встречающуюся у французских литераторов формулу *doux mystères de l'amour* Пушкин употребил в стихотворении «19 октября 1827»: «И в сладких таинствах любви» (III, 80).

¹⁸ *Minutes perduës ou histoire amoureuse et galante du Marquis de ****. Venepole, 1766. Р. 34.

¹⁹ *Les soupers de Momus*. Recueil de Chansons inédites, pour 1818. 5e Année de la Collection. Paris, 1818. Р. 188.

<С ними можно каждый день для юной красавицы, умеющей нравиться, давать уроки любви, даже в присутствии ее матери. — фр.>

Та же формула есть во французском переводе Байрона («Дон Жуан», песнь V, строфа СХХII), сделанном А. Пишо (Pichot; 1795—1877) (точнее, в его поздней редакции):

...et, comme d'ailleurs elle risquait la mort en voulant donner en agréable tête-à-tête des leçons d'amour...²⁰

<...и так как она еще и рисковала жизнью, желая дать во время приятного свидания уроки любви... — фр.>

При этом в английском тексте никаких «уроков» нет, а есть, как в Овидиевом оригинале, *tutor in love's ways = praeceptor amandi* (Ам. II, 161) или *praeceptor Amoris* (Ibid. II, 497):

...And as she also risk'd her life to get
He whom she meant to tutor in love's ways
Into a comfortable tête-à-tête...²¹

<...и так как она еще и рисковала жизнью, чтобы устроить уютное свидание с тем, кого собиралась обучать любви... — англ.>

Сходное выражение встречалось уже и в переводе I песни (строфа LXXXI), опубликованном в 1820 г.:

...quelles douces leçons recevra don Juan de l'amour et de son amie!²²

<...сколь сладкие уроки получит дон Жуан от любви и от своей подруги! — фр.>

Наконец, еще пример (немного более поздний), где выражение «donner une leçon d'amour» прямо означает совращение невинности:

²⁰ Byron G. G. Œuvres / Traduction de M. Amédée Pichot... Paris, 1830. Т. 5. Р. 249. В первой версии перевода: «en voulant donner une leçon de tête-à-tête = желая дать урок свидания» (Byron G. G. Œuvres complètes / Traduites de l'anglais par M. A.-P. 3me éd., entièrement rev. et corrigée. Paris, 1822. Т. 9. Р. 155).

²¹ Byron G. G. Don Juan. Cantos III, IV, and V. London, 1821. [Vol.] 2. Р. 196.

²² Byron G. G. Œuvres complètes / Traduites de l'Anglais par A. E. de Chastopalli [i. e. A. Pichot et E. de Salle]. 2me éd., rev., corrigée et augmentée de plusieurs poëmes. Paris, 1820. Т. 2. Р. 116. Слова «de l'amour» сохранялись до третьего издания (Paris, 1821. Т. 6. Р. 37), а в следующих изданиях были убраны.

...Et cette femme, à laquelle il prétend nous intéresser, pourquoi la peindre complice des affreux calculs de son mari, se livrant à trois ou quatre amans sous les yeux de sa propre fille, et finissant par *donner* une *leçon d'amour* au fils de son amie et de sa bienfaitrice, à un jeune homme de dix-sept ans!²³

<А эта женщина, к которой у нас пытаются вызвать сочувствие, зачем изображать ее сообщницей отвратительных интриг ее мужа, отдающейся трем или четверем любовникам на глазах собственной дочери, и в довершение дающей любовный урок сыну своей подруги и благодетельницы, молодому человеку семнадцати лет! — фр.>

4. Следующая строка не имеет, казалось бы, отношения к либертинажу: «В сердечных письмах как небрежен!»

Но тут уместно напомнить, что преднамеренная небрежность стиля была стилистическим приемом, который в XVII и XVIII вв. являлся предметом рефлексии и обсуждался многократно. Статья «Небрежность» в «Универсальном словаре» А. Фюретьера (Furetière; 1619—1688) обсуждает как раз эпистолярный жанр:

Les lettres de Voiture sont admirables avec les négligences qu'on y remarque; mais quand ces négligences n'y seroient pas, on ne les admireroit peut-être pas moins.²⁴

<Письма Вуатюра восхитительны, с небрежностями, которые в них замечаешь, но, может быть, ими не меньше восхищались бы и без этих небрежностей. — фр.>

Фюретьер почти в точности воспроизводит здесь слова Доминика Буура (Bouhours; 1628—1702), неодобрительно перечислявшего «небрежности» Вуатюра в своем трактате «Сомнения по поводу французского языка».²⁵

Приведем еще пример определенно одобрительной оценки «небрежного стиля»:

Je sçai que la methode scrupuleuse, l'art trop marqué, l'exactitude contrainte, sont des défauts dans la composition. Je suis persuadé, plus

²³ Revue d'Alsace. Strasbourg, 1834. Т. 1. P. 123 (рецензия на кн.: *Lavater L. Henri Farel*, roman alsacien. Paris, 1834; подпись: Ludwиг С.).

²⁴ *Furetière A.* Dictionnaire universel: contenant generalement tous les mots françois tant vieux que modernes, & les termes des sciences et des arts... La Haye; Rotterdam, 1701. Vol. 2. [s. p.] (Article «Négligence»).

²⁵ *Bouhours D.* Doutes sur la langue française, proposez à Messieurs de l'Académie française. Avignon, 1674. P. 239—240.

que vous ne paroissés l'être, qu'il y a pour le stile <sic!> une *heureuse négligence*, qui a des graces.²⁶

<Я знаю, что скрупулезность метода, слишком подчеркнутое владение мастерством, принужденная точность суть недостатки сочинения. Я убежден, кажется, более, чем вы, что бывает стилистическая счастливая небрежность, со своей грацией. — фр.>

В пушкинском романе «небрежность» представлена как прием не столько стилистический, сколько риторический, прагматический, как часть онегинской либертинской тактики соблазнения (небрежность стиля должна восприниматься адресатом «сердечного письма» как проявление искренности чувства).

5. В строфе XII есть и прямая отсылка к либертинской литературе: стихи 9–10 («Его ласкал супруг лукавый, / Фобласа давний ученик») не только описывают поведение, соответствующее французской либертинской модели, но прямо отсылают к роману о «последнем либертине» (определение Мишеля Крузе²⁷).

Здесь уместно напомнить, что под либертинажем зачастую понимают определенную стратегию покорения женщин, стратегию, заранее продуманную и хладнокровно осуществляемую, в которой нет места не только страсти, но и любовной склонности или привязанности, никакому чувству, даже состраданию (напоминаю, что речь здесь идет о литературных персонажах).

Основной моделью либертина, по мнению многих исследователей, должен служить Версак, персонаж романа Кребийона «Заблуждения ума и сердца» («*Les Égarements du cœur et de l'esprit*»). Кребийоновский либертинаж описывают как искусство систематической рационализации любовного опыта, сопровождающееся двуличностью и стремлением подчинить себе жертву.²⁸ Именно так определяется либертинаж XVIII в. в «Словаре старого режима»:

...либертин использует любовь, чтобы за счет соблазненной женщины обеспечить триумф своих фантазий, возводит непостоянство и лицемерие в принцип ради своих чувственных удовольствий и ради своего тщеславия, ничего не оставляя чувству. Это искусст-

²⁶ Hongnant C. R. *Lettres à Monsieur l'Abbé Houtteville, au sujet du livre De la Religion chrétienne prouvée par les faits*. Paris, 1722. P. 100.

²⁷ Louvet de Couvray J. B. *Les Amours de Chevalier de Faublas, précédé de: Le dernier des libertins par Michel Crouzé*. Paris, 1966.

²⁸ Dornier C. *Le discours de maîtrise du libertain: Etude sur l'œuvre de Crébillon fils*. Paris, 1994. P. 7, 12.

во высокой стратегии, основанной на светском опыте, владении языком, не оставляющим места для неопределенности, <это> строгий анализ механизмов любви и желания <...> если либертин, за счет некоего аскетизма, дающего ему полный самоконтроль, наслаждается своим превосходством, его триумф питается унижением его жертвы.²⁹

Подобная стратегия требовала, естественно, виртуозного умения носить выбранную маску, определять и играть наиболее выигрышную в данный момент роль. Важность такого умения подчеркивается как у Кребийона (в монологе Версака), так и у Шодерло де Лакло (Choderlos de Laclos; 1741–1803) (когда мадам де Мертей в LXXXI письме уподобляет политике свое искусство либертинской интриги). Сходным образом, согласно пушкинскому описанию, ведет себя и Онегин.

Представляется, однако, что есть разница между поздней либертинской литературой типа Лакло (а в пределе — маркиза де Сада) и романами первой половины — середины XVIII в., в частности некоторыми романами Кребийона. Либертины, созданные Лакло, целенаправленно лицемерят, потому что им так удобнее ловить жертву. Классический же соблазнитель кребийоновской эпохи превращает свой «предмет» не в жертву, но, к обоюдному удовольствию, в нового адепта либертинажа.³⁰ Цитированное определение обобщает некоторые манифесты литературных либертинов (например, Версака), но не соответствует другим, не менее популярным изображениям либертинажа, приводящего героев (и даже более женщин, чем мужчин) к счастливой жизни (укажем хотя бы «Терезу-философа» («Thérèse philosophe») маркиза д'Аржанса (d'Argens; 1704–1771) или роман Андреа де Нерсиа (Nericiat; 1739–1809) «Фелиция, или Мои любовные шалости» («Félicia, ou Mes fredaines»)). Французская литература создала образы как жестоких, так и взаимно счастливых либертинов, так что наряду с либертинажем бесстра-

²⁹ *Hours B. Libertinage // Dictionnaire de l'Ancien Régime: Royaume de France, XVIe – XVIIIe siècle, sous la direction de Lucien Bély. Paris, 1996. P. 735–736.*

³⁰ Один из кребийоновских либертинов говорит: «...la chose du monde que j'ai toujours le plus detesté, & qui est en effet la plus indigne d'un honnête homme, est de remporter sur les femmes, de ces triomphes qui les humilient <...что у меня вызывало больше всего отвращения и что в самом деле более всего недостойно честного человека — это одержать над женщиной победу, которая ее унижит. — фр.>» (*Crébillon P. J. de. Collection complète des Œuvres. Londres, 1777. T. 9. P. 94*). О «беззаботном поколении» 1730-х гг. и отсутствии жестокости у раннего Кребийона см.: *Sturm E. Crébillon fils et le libertinage au dix-huitième siècle. Paris, 1970. P. 83.*

стного расчета существует и либертинаж «счастливого момента», лишенный какой-либо продуманной стратегии. Он обычно сочетается с принципиальной эфемерностью коллекционируемых любовных связей:

Особенность нового вида любовной связи, то, что отличает ее от брака (религиозно-правового договора, в принципе ненарушимого) и от страсти, объявленной отныне древней, старомодной, исчезнувшей (несокрушимого сентиментального пакта, изобретенного литературой и начинающего распространяться вне ее), — это, несомненно, недолговечность. Главное в определении связи то, что она склоняется во множественном числе. Любая связь влечет за собой другую, они взаимозаменяемы и даже совместимы.³¹

Поведение Евгения Онегина прекрасно иллюстрирует переход именно к такому виду либертинажа (строфа X главы IV):

В красавиц он уж не влюблялся,
А волочился как-нибудь;
Откажут — мигом утешался;
Изменят — рад был отдохнуть.
Он их искал без упоенья,
А оставлял без сожаленья,
Чуть помня их любовь и злость.
Так точно равнодушный гость
На вист вечерний приезжает,
Садится; кончилась игра:
Он уезжает со двора,
Спокойно дома засыпает
И сам не знает поутру,
Куда поедет ввечеру.

(VI, 76–77)

Здесь можно наблюдать некоторую эволюцию если не характера, то типа поведения: от активного и заинтересованного соблазна, от либертинской охоты к рутинному волокитству, которое порождает скуку. Речь идет не об «английском сплине», а о сугубо французском недуге, следствии либертинажа, как свидетельствует д'Аламбер (d'Alembert; 1717–1783) в «Похвальном слове Кребийону» («Éloge de Crébillon»):

³¹ Goldzink J. A la recherche du libertinage. Paris, 2005. P. 69.

<Crébillon-> fils, dans des Romans pleins d'esprit, & dictés par une connoissance profonde de tous les replis honteux du cœur humain, a tracé du pinceau le plus délicat & le plus vrai les raffinemens, les nuances, et jusqu'aux graces de nos vices; cette légéreté séduisante qui rend les François ce qu'on appelle *aimables*, et ce qui ne signifie pas *dignes d'être aimés*; *cette activité inquiète qui leur fait éprouver l'ennui jusqu'au sein du plaisir même*; cette perversité de principes, déguisée et comme adoucie par le masque des bienséances; enfin nos mœurs, tout-à-la-fois corrompues et frivoles, où l'excès de la dépravation se joint à l'excès du ridicule.³²

<<Кребийон>-сын, в романах, полных ума и продиктованных глубоким знанием всех постыдных извилих человеческого сердца, написал самой нежной и правдивой кистью тонкости, оттенки и самые прелести наших пороков; эту соблазнительную легкость, которая делает французов, что называется, *любезными*, это не значит *достойными любви*; *эту беспокойную деятельность, которая заставляет их испытывать скуку на самом лоне наслаждения*; эту извращенность принципов, переодетую и как бы смягченную маской приличия; наконец, наши нравы, одновременно испорченные и легкомысленные, в которых избыток развращенности соединяется с избытком нелепости. — фр.>

Это наблюдение д'Аламбера заставляет вспомнить еще и «Сцену из Фауста». Пушкинский Фауст «испытывает скуку на самом лоне наслаждения», в точном соответствии с диагнозом французского энциклопедиста:

Когда красавица твоя
Была в восторге, в упоенье,
Ты беспокойною душой
Уж погружался в размышленье
(А доказали мы с тобой,
Что размышленье — скуки семя).
<...>
Что ж грудь моя теперь полна
Тоской и скукой ненавистной?..
На жертву прихоти моей
Гляжу, упившись наслажденьем,
С неодолимым отвращеньем...³³

³² D'Alembert J. *le Rond*. Éloges lus dans les séances publiques de l'Académie française. Paris, 1779. P. 476.

³³ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. Т. 7. С. 101.

6. Еще одна формула (из той же строфы X главы IV), которую нередко использовали для характеристики упадка нравов:

Он их искал без упоенья,
А оставлял без сожаленья...

«S'aimer sans plaisir, se quitter sans regrets <любить друг друга без удовольствия, покидать друг друга без сожалений. — фр.>» — выражение, ставшее в XVIII в. почти фразеологизмом:

S'aimer sans plaisir, se livrer sans combat, se quitter sans regrets, traiter le devoir de faiblesse, l'honneur de préjugé, la délicatesse de fadeur, telles étaient les mœurs du temps: la séduction avait son code, et l'immoralité était réduite en principes.³⁴

<Любить друг друга без наслаждения, отдаваться без боя, оставлять друг друга без сожаления, считать долг слабостью, честь — предрассудком, деликатность — пошлостью, — таковы были нравы того времени; у соблазнения был свой кодекс, аморальность сводилась к принципам. — фр.>

J'ai beaucoup de connoissances, beaucoup de très-humbles serviteurs & de très-humbles servantes, que je vois sans plaisir, & que je quitte sans regret.³⁵

<Я знаю многих «покорнейших слуг» и «покорнейших служанок», которых я вижу без удовольствия и покидаю без сожаления. — фр.>

On hait aussi légèrement qu'on aime. On se prend sans se connaître, on vit ensemble sans s'aimer, et on se quitte sans regret.³⁶

<Мы ненавидим с такой же легкостью, как и любим. Мы сходимся, не зная друг друга, живем вместе без любви и расстаемся без сожаления. — фр.>

Выражение это использовалось первоначально при иронических описаниях монастырского существования. Жан-Огюст Жюльен, писавший под псевдонимом Desboulmiers, называет его proverbially («dictum proverbiale») и прилагает к жизни актрис:

³⁴ Campan J. L. H. Mémoires sur la vie privée de Marie-Antoinette, reine de France et de Navarre. Paris, 1822. P. XIX. 1re pag.

³⁵ Lettres de Madame la Marquise de Pompadour depuis 1753 jusqu'à 1762 inclusivement. Londres, 1773. Part 1. P. 15.

³⁶ Les Quatre saisons du Parnasse, ou Choix de poésies légères depuis le commencement du XIXe siècle. 3me année. Été. Paris, 1807. P. 199.

Ils s'assemblent sans se connoitre
Vivent ensemble sans s'aimer,
Et se quittent sans se regretter.³⁷

<Они объединяются, не зная друг друга, живут вместе, не любя друг друга, и покидают друг друга без сожаления. — фр.>

Наконец, в сатирической утопии Никола де Ла Димери обсуждаемая формула сопровождается поучением «Sur-tout n'aimez point» (ср.: «Чем меньше женщину мы любим, / Тем легче нравимся мы ей»):

Sur-tout n'aimez point. Une liaison parmi nous n'est guère qu'un essai. On se prend sans goût, sans regret on se quitte, et rarement l'un des deux s'aperçoit de la rupture.³⁸

<Главное, не любите. У нас <любовная> связь — всего лишь проба. Мы сходимся без желания, без сожаления расстаемся, и редко когда один из двоих замечает разрыв. — фр.>

7. Овидиево «Искусство любви» и его французские подражания содержат подробные рассуждения о том, где лучше всего начинать и вести любовную интригу. Обмениваться любовными посланиями — письменными и устными — легче там, где открыто собирается общество. Поэтому мотив посещения разнообразных публичных мест (театра, балов, мест отдыха) получает эротические (в широком смысле) коннотации.

В пушкинском романе картина театра не имеет обычного либертинского контекста: Онегин не ведет в нем никакой интриги, выступая в этом случае как скучающий холодный денди. Однако следы эротической французской поэзии можно усмотреть и здесь. Так, *Онегин полетел к театру*, как будто в точности последовал совету из уже цитировавшегося «Искусства любви» Гужа де Сессьера: «Amans, volez en foule à ces rompreux spectacles <Любовники, летите толпой на эти пышные зрелища. — фр.>».³⁹

Более либертински окрашенной оказывается бальная тема. Некоторые элементы тактики либертинажа раскрываются в ирониче-

³⁷ [Jullien J. A.] Honny soit qui mal y pense: ou histoire des filles célèbres du XVIIIe siècle. Part 1–2. Londres, 1761. P. 64.

³⁸ La Dixmerie N. Bricaire, de. L'Isle taciturne et l'isle enjouée, ou Voyage du génie Alaciel dans ces deux isles. Amsterdam, 1759. P. 107.

³⁹ [Gouge de Cessière F. E.] L'Art d'Aimer: Nouveau Poëme: En Six Chants. P. 30.

ском предостережении, адресованном тем, кому положено охранять от соблазнов предполагаемую невинность (XXIX строфа первой главы):

Во дни веселий и желаний
Я был от балов без ума:
Верней нет места для признаний
И для вручения письма.
О вы, почтенные супруги.
Вам предложу свои услуги;
Прошу мою заметить речь:
Я вас хочу предостеречь.
Вы также, маминьки, построже
За дочерьми смотрите вслед...
(VI, 17)

Параллельное место из «Аморальных сказок» («Contes immoraux») принца де Линя (Ligne; 1735—1814) (Беседа восьмая) показывает, что и здесь Пушкин мог опираться на французскую либертинскую традицию, на сей раз позднюю:

Parents faciles et confiants, mères débonnaires, benigns époux qui faites les gais! c'est vous que j'avertis; sachez m'en gré: et craignez les soirées de l'automne à la campagne.⁴⁰

<Уступчивые и доверчивые родители, снисходительные матери, благодушные супруги, изображающие веселость! Вас я предупреждаю; будьте мне благодарны и опасайтесь осенних вечеров в деревне. — фр.>

8. XXXII строфа содержит эротико-либертинский намек на возможное завоевание обладательницы прекрасных ножек:

Дианы грудь, ланиты Флоры
Прелестны, милые друзья!
Однако ножка Терпсихоры
Прелестней чем-то для меня.
Она, пророчествуя взгляду
Неоценимую награду,

⁴⁰ *Ligne Ch. J. Lamoral, Prince de. Contes immoraux // Mélanges militaires, littéraires et sentimentaires. A mon Refuge sur le Leopoldberg près de Vienne; Dresde, 1801. T. 23. P. 159.* Было также анонимное пиратское отдельное издание (*Contes immoraux. Londres, 1802*), с сохранением пагинации.

Влечет условною красой
Желаний своевольный рой.
(VI, 18)

Этот мотив имеет, как и следовало ожидать, параллели во французской либертинской литературе. Уже Б. В. Томашевский в 1930 г. обнаружил разительное сходство цитированных строк Пушкина с пассажем из новеллы Ретифа де ла Бретонна (*Restif de La Bretonne*; 1734–1806) «Красивая ножка» («*Le Joli Pied*») (новелла XXXII из «Современниц, или Приключений самых красивых женщин нынешнего века»).⁴¹

Стоит добавить, что рассуждения Ретифа (сами восходящие, надо полагать, к Брантому, автору трактата о женских ножках⁴²) быстро сделали общим местом легкой поэзии. Наибольшее сходство с ними представляет, видимо, пара строф из песенки Де Гранжа (*Des Granges*):

Mes chers amis, selon ses vœux,
chacun chante ce qu'il préfère;

⁴¹ Томашевский Б. В. Маленькая ножка // Пушкин и его современники. Л., 1930. Вып. 38–39. С. 76–78. Приведем соответствующую цитату из Ретифа, в его своеобразной орфографии: «Saintepallaie avait un goût particulier, & tous les charmes ne faisaient pas sur lui une égale impression: une jolie figure plait à tout le monde; & partout, hors en Espagne, une belle gorge <a> son prix: une taille suelte & légère, une belle main flattait son goût: mais le charme auquel il était le plus sensible, celui qui lui causait ce frémissement involontaire & délicieux qui remue toutes les fibres, c'était un joli piéd: rien dans la nature ne lui paraissait au-dessus de ce charme séduisant, qui semble en-effet annoncer la délicatesse & la perfection de tous les autres appas» (*Restif de La Bretonne N. E. Le Joli Pied // Contemporaines, ou Avantures des plus jolies Femmes de l'âge présent. Leipsick, 1780. Vol. 5. P. 204*). Перевод Томашевского, с изменениями: «Сентпалле обладал особенным вкусом, и не все прелести производили на него одинаковое впечатление. Красивое лицо нравится всем, везде — кроме Испании — красивая грудь имеет свою цену; стройная и легкая фигура, красивая ручка были ему по вкусу; но то, что действовало на него живее всего, что причиняло ему непроизвольную и восхитительную дрожь во всех жилах, была красивая ножка: в его глазах ничто на свете не превосходило этой соблазнительной прелести, как бы возвещающей нежность и совершенство всех прочих красот» (Томашевский Б. В. Маленькая ножка. С. 77).

⁴² *Branthôme P. Discours sur la beauté de la belle jambe et de la vertu qu'elle a // Œuvres complètes de Pierre de Bourdeilles, abbé et seigneur de Branthôme. Paris, 1891. T. 11. P. 337–359*. Ср. также: Добрицын А. Вечный жанр: Западноевропейские истоки русской эпиграммы XVIII — начала XIX века. Вегн, 2008. С. 132–133. О метонимическом значении «ножки» см. в комментарии Г. А. Левинтона и Н. Г. Охотина к «Сказке о Царе Никите»: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 2016. Т. 2, кн. 2. С. 953–954.

vous avez célébré les yeux,
souffrez que de vous je diffère;
vantez les yeux dans vos chansons,
moi, je suis pour les pieds mignons.

<...>

Bijoux charmans, présent des Dieux,
en révélant un doux mystère,
vous êtes le présage heureux
des plaisirs qu'on goûte à Cythère!
Mortels, chérissez tous les dons
qu'Amour attache aux pieds mignons.⁴³

<Друзья, каждый, по желанию, воспевает то, что предпочитает; вы славили глаза, потерпите, что я <буду петь> иное; хвалите глаза в своих песнях, я буду воспевать крохотные ножки.

Очаровательные сокровища, дар богов, раскрывая сладкую тайну, вы — счастливое предвестие наслаждений, которые вкушают на Кифере! Смертные, цените дары, которые Амур соединяет с крохотными ножками. — *фр.*>

В одной из строф этой французской песенки речь идет о танце; пушкинское отступление о ножках также отвечает от бальной темы (о ее либертинской составляющей только что говорилось); метонимический переход от танца к его «инструменту» происходит совершенно естественно.

Сходные пассажи есть и у других французских поэтов, например в песенке «Маленькие ножки Лизы» («Les petits pieds de Lise») автор (Monperlier) отдает ножкам предпочтение перед другими соблазнительными членами (ср. первые строки цитированной выше строфы «Онегина»):

Qu'un autre chante de Délie
Le corsage et la blanche main,
Les bras ou la jambe arrondie,
Les beaux yeux, la bouche et le sein;
Je veux chanter
Et répéter
Qu'avec ses pieds, Lise a fait ma conquête...⁴⁴

⁴³ Des Granges J. Les Pieds mignons: A. M. B.: Chanson faite à l'occasion de plusieurs autres, pour et contre les yeux noirs et les yeux bleus // Almanach des Muses. 1785. P. 185–186.

⁴⁴ Le Caveau moderne... Paris, 1813. Vol. 7. P. 98–100.

<Пусть другой поет стан и белую ручку <main> Делии, руки <bras> или округлую ногу <jambe>, прекрасные глаза, рот и грудь; я буду петь и повторять, что Лиза покорила меня своими ножками <pieds>... – фр.>

9. Некоторые пассажи из «Онегина» явно свидетельствуют о влиянии французской либертинской литературы, хотя сами по себе и не носят либертинского характера. Таковы, например, XVIII и XIX строфы второй главы:

Смирненные не без труда,
Мы любим слушать иногда
Страстей чужих язык мятежный,
И нам он сердце шевелит.
Так точно старый инвалид
Охотно клонит слух прилежный
Рассказам юных усачей,
Забытый в хижине своей.
<...>
В любви считаясь инвалидом...
(VI, 39)

В черновике Пушкин записал французские стихи, которые Набоков верно идентифицировал как цитату из Парни (Parny; 1753–1814):

Et je ressemble au vieux guerrier
Qui rencontre ses frères d'armes,
Et leur parle encor du métier.⁴⁵

<И я похож на старого воина, который встречает собратьев по оружию и опять говорит с ними о <военном> ремесле. – фр.>

Хотя поэт привел в черновике лишь строки Парни, ему почти наверняка были знакомы и другие произведения, где любовник упо-

⁴⁵ Parny E. 1) Coup d'œil sur Cythère (1787) // Parny E. Œuvres. Paris, 1808. T. 2. P. 200–201; 2) Radotage, A mes Amis // Œuvres complètes du Chevalier de Parny. Paris, 1788. T. 2. P. 175. Nabokov V. Eugene Onegin: A Novel in Verse by Aleksandr Pushkin / Translated from the Russian, with a Commentary. London, 1964. Vol. 2: Preliminaries and Chapters One to Five. P. 267–268; Набоков В. В. Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». СПб., 1998. С. 249–251.

доблен солдату. Некоторые пассажи текстуально даже ближе к цитированному фрагменту «Онегина», нежели стихи Парни.

В либертинской новелле Гиара де Сервинье (Guiard de Servigné; 1723–1780) «Звонки, или Мемуары маркиза де***» («Les Sonnettes, ou Mémoires de Monsieur le Marquis D'***») один из персонажей признается, что единственное оставшееся ему утешение — это слушать чужие рассказы о любовных наслаждениях, подобно ветеранам, слушающим в уголке у очага повествование о битвах, в которых они сами уже не могли участвовать. Этот пассаж довольно близок к XVIII строфе второй главы «Онегина»:

Jusqu'ou va, dit-il, mon infortune! je ne cherche plus de consolation que dans le récit des plaisirs d'autrui; semblable à ces vétérans, qui, au coin de leurs foyers, entendent le détail d'un siège où ils n'ont pu se trouver, leur joie est mêlée d'amertume; la mienne est de cette nature.⁴⁶

<Как велико, — говорил он, — мое несчастье! У меня нет другого утешения, как слушать рассказы о чужих наслаждениях; подобно тем ветеранам, которые, сидя у своего очага, слушают подробности осады, в которой они не могли участвовать; их радость смешана с горечью, подобно моей. — фр.>

В отличие от строк Парни, выписанных Пушкиным, здесь ветеран не сам говорит другим о войне («Et leur parle encor du métier»), но, как и онегинский «инвалид», *клонит слух прилежный* к чужим рассказам.

Само же выражение «инвалид любви»⁴⁷ присутствует в явном виде как в названии, так и в тексте песни «Инвалиды Амура (Любви)» («Les Invalides de l'Amour»), сочиненной Андреа де Нерсиа, автором известных либертинских романов:

Amis, il neige sur nos têtes.
A notre âge, plus de conquêtes:
Renonçons aux tendres desirs.
Abandonnés d'un dieu volage,
Quittons Cythère avec courage,
Et cherchons ailleurs les plaisirs.

⁴⁶ Guiard de Servigné J.-B.-M. Les Sonnettes, ou Mémoires de Monsieur le Marquis D'***, *Auxquels on a joint Histoire d'une Comédienne qui a quitté le Spectacle & l'Origine des Bijoux indiscrets*, Conte. Londres, 1781. P. 118.

⁴⁷ О значении слова «инвалид» см.: Зализняк А. А. Об эффекте ближней семантической эволюции // Philologica. 2012. Т. 9, № 21–23. С. 11–13.

Choisissez un bonheur durable.
Jamais ingrat, toujours affable,
Bacchus nous invite à sa cour.
Enrôlons-nous dans sa milice;
Ce dieu reçoit à son service
Les invalides de l'Amour.⁴⁸

<Друзья, на наши головы ложится снег. / В наши лета больше не будет любовных побед: / Откажемся от нежных желаний. / Покинутые непостоянным божком, / Решительно оставим Киферу / И будем искать наслаждения в другом месте. // Изберите продолжительное счастье. / Не бывающий неблагодарным, всегда приветливый, / Бахус приглашает нас к своему двору. / Завербуемся в его ополчение; / Этот бог принимает к себе на службу / Инвалидов Амура (любви). — фр.>

Мотив встречается и в более ранних сочинениях, причем иногда источник интересующего нас сопоставления называется прямо:

Comme Ovide le dit, tout Amant est soldat;
Et si cette Maxime est cruë,
La belle Iris a pû, sans attentat,
Faire passer ses troupes en revûë.⁴⁹

<Как сказал Овидий, каждый любовник — солдат; / И если верить этой максиме, / Прекрасная Ирида могла бы, кроме шуток / Устроить смотр своим войскам. — фр.>

Действительно, в конечном итоге сравнение любви с войной, а любовника с солдатом восходит к Овидию, чем и объясняется изобилие параллельных мест во французской поэзии. Это уподоб-

⁴⁸ Chansons choisies, Avec les airs notés. Londres, 1784. Т. 6. Р. 126—127. Добавим, что цитируемое издание содержит также песню Валада (Valade) «Солдат Киферы» («Le Soldat de Cythere») (Ibid. Р. 108—109):

De l'isle de Cythère,
Je suis un bon soldat;
Ce n'est qu'à Glycere
Que je livre combat...

<На острове Киферы / Я хороший солдат; / Только с Глицерией / Я сражаюсь... — фр.>

⁴⁹ La Suze H. de Coligny, Pelisson P. Recueil de Pieces galantes, en prose et en vers, de Madame la Comtesse de la Suze, et de Monsieur Pelisson, Augmentée de plusieurs Pièces nouvelles de divers Auteurs. Nouv. éd. Trevoux, 1725. Т. 1. Р. 62—63.

ление содержится в «Любовных элегиях» и «Искусстве любви»: *militat omnīs amans* (*Am.* I. 9); *militiae species amor est* (*Ars am.* II, 233).⁵⁰ В дальнейшем эти сравнения развивались и варьировались в разных «тональностях»: напыщенно, наивно, бурлескно и т. д. Современный Пушкину комментатор трактовал цитированные строки Овидия вполне в духе либертинского мироощущения галантного столетия:

L'amour est une véritable guerre, non pas, comme le dit lourdement un des commentateurs d'Ovide, à cause des disputes qui s'élèvent fréquemment entre les amans, mais bien parce que *l'art de se faire aimer exige des ruses et des stratagèmes qui ont plus d'un rapport avec ceux de la stratégie*.⁵¹

<Любовь — это настоящая война, не по причине, как неуклюже говорят комментаторы Овидия, частых ссор между любящими, но потому, что искусство заставить себя полюбить требует хитростей и стратагем, имеющих много общего с <военной> стратегией. — фр.>

* * *

Разумеется, поведение Онегина далеко не во всем вписывается в модель, даваемую либертинской литературой. Можно сказать, что иногда они отличаются по содержанию, совпадая по форме. Так, когда он проповедует Татьяне, мы видим характерную экспозицию: встреча в саду, беседа опытного соблазнителя с невинной девицей... но, нарушая читательские ожидания, соблазнитель не хочет воспользоваться «счастливым моментом» и ведет себя как *galant homme* (= *honnête homme*, честный человек), а не как *homme galant* (галантный ухажер). Однако способ, который он выбирает, чтоб *Ленского взбесить и уж порядком отомстить*, явно диктуется петербургским опытом либертина (по-видимому, достаточно богатым).

⁵⁰ Богатый материал о пушкинских аллюзиях на поэзию Овидия см. в статьях М. И. Шапира: 1) Пушкин и Овидий: Дополнение к комментарию: («Евгений Онегин», 7, ЛП, 1–2) // Известия РАН. Сер. лит.-ры и языка. 1997. Т. 56, № 3. С. 37–39; 2) Пушкин и Овидий: Новые материалы: (Из комментариев к «Евгению Онегину») // Elementa. 2000. Vol. 4, № 4. P. 341–349. Однако то, что пушкинское сравнение Онегина с «инвалидом Амура» через французское посредство восходит к Овидию, кажется, до сих пор не отмечалось комментаторами.

⁵¹ *Œuvres complètes d'Ovide / Traduction nouvelle par MM. Th. Burette, Carême, Chappuyzi, J. P. Charpentier, Gros, Héguin de Guerle, Mangeart, Vernadé.* Paris, 1836. Т. 3. P. 243.

Вообще либертинаж — достаточно сложное и многообразное явление, различные его компоненты по-разному эволюционировали в обществе и по-разному изображались в литературе, которая не могла поэтому представить единую модель либертинского поведения. В VII строфе четвертой главы «Онегина» об этом явлении говорится с крайним презрением:

Чем меньше женщину мы любим,
Тем легче нравимся мы ей
И тем ее вернее губим
Средь обольстительных сетей.
Разврат, бывало, хладнокровный
Наукой славился любовной,
Сам о себе везде трубя
И наслаждаясь не любя.
Но эта важная забава
Достойна старых обезьян
Хваленых дедовских времен:
Ловласов обветшала слава
Со славой красных каблуков
И величавых париков.

(VI, 75)

Тем не менее для характеристики Онегина Пушкин неоднократно, как мы видели, пользуется приемами, почерпнутыми из французской либертинской литературы, и сам протагонист являет порой черты либертина.

Андрей Добрицын

ИЗ КОММЕНТАРИЯ К «ОТРЫВКАМ ИЗ ПУТЕШЕСТВИЯ ОНЕГИНА»

Речь пойдет об одном стихе из одесских строф «Отрывков из путешествия Онегина».

*Но мы, ребята без печали,
Среди заботливых купцов,
Мы только устриц ожидали
От цареградских берегов.*